Междисциплинарные исследования / Interdisciplinary Research

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-3-279 **EDN: ZIQMZC**
УДК 327

Квантовая дипломатия: нелинейные стратегии взаимодействия акторов в современных международных отношениях

В.А. Чепурной
Университет экономики и управления, Симферополь, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена концепции квантовой дипломатии как дополнительному методологическому инструменту анализа международных отношений в условиях цифровизации, нелинейности и возрастающей взаимозависимости политических акторов.

Цель. Цель работы состоит в уточнении концептуально-методологического содержания квантовой дипломатии и разработке модели применения её ключевых принципов к анализу современных международных взаимодействий.

Методология проведения работы. Исследование носит концептуально-теоретический характер и основано на междисциплинарном, сравнительном и системном подходах, а также на концептуальном моделировании. Отдельные международно-политические ситуации используются в качестве иллюстративных кейсов для демонстрации возможностей применения рассматриваемых категорий.

Результаты. Установлено, что квантовая дипломатия не заменяет существующие теории международных отношений, а дополняет их, позволяя в рамках единой аналитической схемы учитывать множественность состояний отношений между акторами, их взаимозависимость, влияние интерпретаций и неопределённость дальнейшего развития ситуации. Систематизировано аналитическое содержание принципов дипломатической суперпозиции, запутанности, эффекта наблюдателя и неопределённости и предложена пятиэтапная модель анализа международного взаимодействия. Возможности применения отдельных элементов модели проиллюстрированы на примерах российско-американских отношений, американо-китайского технологического соперничества и ситуации вокруг Тайваньского пролива.

Область применения результатов. Выводы могут использоваться при исследовании международной безопасности, санкционной политики, цифровой дипломатии, технологического соперничества и конфликтной эскалации.

Ключевые слова: квантовая дипломатия; международные отношения; цифровое пространство; политические акторы; цифровая дипломатия; геополитика

Для цитирования. Чепурной, В. А. (2026). Квантовая дипломатия: нелинейные стратегии взаимодействия акторов в современных международных отношениях. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, *10*(3), 137-160. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-279

Quantum diplomacy: nonlinear strategies of actor interaction in contemporary international relations

V.A. Chepurnoy
University of Economics and Management, Simferopol, Russian Federation

Abstract

Background. The article examines quantum diplomacy as an additional methodological tool for analysing international relations under conditions of digitalisation, nonlinearity, and growing interdependence among political actors.

Purpose. The study aims to clarify the conceptual and methodological content of quantum diplomacy and to develop a model for applying its key principles to the analysis of contemporary international interactions.

Methodology. The study is conceptual and theoretical in nature and is based on interdisciplinary, comparative, and systems approaches, as well as conceptual modelling. Selected international political situations are used as illustrative cases to demonstrate the analytical applicability of the categories under consideration.

Results. The study shows that quantum diplomacy does not replace existing theories of international relations but supplements them by providing a unified analytical framework for examining multiple states of relations among actors, their interdependence, the influence of interpretations, and the uncertainty of further developments. The analytical content of the principles of diplomatic superposition, entanglement, the observer effect, and uncertainty is systematised, and a five-stage model for analysing international interaction is proposed. The applicability of individual elements of the model is illustrated through Russia-United States relations, United States-China technological competition, and the situation in the Taiwan Strait.

Practical implications. The findings may be applied to studies of international security, sanctions policy, digital diplomacy, technological competition, and conflict escalation.

Keywords: quantum diplomacy; international relations; digital space; political actors; digital diplomacy; geopolitics

For citation. Chepurnoy, V. A. (2026). Quantum diplomacy: nonlinear strategies of actor interaction in contemporary international relations. *Russian Studies in Law and Politics*, *10*(3), 137-160. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-279

Международные отношения XXI века всё в меньшей степени могут рассматриваться как относительно предсказуемая система, в которой отдельные политические действия с высокой вероятностью приводят к ожидаемому результату. Рост взаимозависимости государственных и негосударственных акторов, ускорение информационных процессов и усложнение транснациональных связей формируют среду, в которой последствия принимаемых решений нередко приобретают нелинейный характер. Одно политическое, экономическое или информационное событие способно запускать цепь взаимосвязанных реакций, затрагивающих различных участников мировой политики.

Существующие подходы к международным отношениям позволяют анализировать отдельные стороны подобных процессов, однако исследовательская проблема заключается в необходимости инструментария, позволяющего рассматривать во взаимосвязи множественность состояний отношений между акторами, их взаимозависимость, влияние взаимных интерпретаций и неопределённость дальнейшего развития ситуации. Одним из возможных инструментов такого анализа выступает концепция квантовой дипломатии.

В связи с этим цель исследования состоит в уточнении концептуально-методологического содержания квантовой дипломатии и разработке аналитической модели применения её ключевых принципов к исследованию современных международных взаимодействий.

Для достижения поставленной цели рационально сформулировать задачи, а именно: определить место квантовой дипломатии среди современных подходов к международным отношениям, раскрыть содержание её ключевых принципов, выявить признаки их проявления в международно-политических процессах и разработать модель их применения к анализу международного взаимодействия.

В современной отечественной политологической литературе понятие «квантовая дипломатия» не имеет общепринятого определения. Аналогичная ситуация наблюдается и в зарубежных исследованиях, где отсутствует единый подход к трактовке данного термина. Вместе с тем, несмотря на разнообразие существующих

интерпретаций большинством исследователей, имеет смысл рассматривать квантовую дипломатию как междисциплинарный исследовательский подход, использующий отдельные положения квантовой теории в качестве методологической основы для анализа сложных, нелинейных и трудно прогнозируемых процессов международного взаимодействия [16; 17; 18; 20]. При этом речь идет не о «слепом» копировании физических закономерностей в сферу политики, а о заимствовании отдельных положений концептуального аппарата квантовой теории в качестве эвристического инструмента исследования современной дипломатии.

Истоки концепции квантовой дипломатии имеет смысл связывать с совместными дискуссиями американского государственного деятеля Джорджа Шульца и физика-теоретика Сидни Дрелла, посвященным вопросам международной безопасности, стратегической стабильности и контроля над вооружениями. Осмысливая влияние стремительного научно-технического прогресса на международную политику, они обратили внимание на то, что многие процессы уже не укладываются в рамки традиционных моделей объяснения. Именно эта идея впоследствии получила развитие в научной литературе и стала одной из предпосылок формирования концепции квантовой дипломатии как междисциплинарного подхода, объединяющего отдельные положения политической науки и квантовой теории [16, с. 374].

Существенный вклад в развитие концепции внёс Джеймс Дер Дериан, одним из первых рассмотревший дипломатию через призму квантовой теории. Он отметил, что современное взаимодействие государственных и негосударственных акторов характеризуется неопределённостью, нелинейностью и зависимостью от информационной среды, поэтому классические модели не всегда адекватно описывают происходящие процессы [17, с. 410–411].

Влияние на дальнейшее развитие квантовых подходов в исследовании международных отношений оказали работы Александра Вендта. В труде: «Quantum Mind and Social Science» А. Вендт предложил рассматривать отдельные положения квантовой теории в качестве возможной методологической основы анализа социаль-

ных процессов [18, с. 3-4], поставив под сомнение достаточность исключительно классических моделей объяснения [18, с. 6]. Будет некорректно утверждать то, что работа Вендта посвящена непосредственно проблематике квантовой дипломатии, но сформулированные им идеи значительно расширили теоретические возможности применения квантовых подходов и международных отношениях, став важной методологической основой для последующих исследований в данной области.

С 2020-х гг. квантовые подходы к анализу международных отношений получили заметное развитие и стали оформляться в самостоятельное междисциплинарное направление. В его становление внесли вклад А. Феррацини [20], П. Амареш [12] и другие исследователи, а также международный проект «Project Q: Peace and Security in a Quantum Age» [24], объединивший специалистов в области дипломатии, безопасности и политической теории. Предметное поле данного направления охватывает не только квантовую дипломатию, но и вопросы мировой политики, международной безопасности, конфликтов и глобального управления.

Автор считает, что современное понимание квантовой дипломатии имеет смысл рассматривать без «линии разграничения» технологического аспекта и аспекта концептуально-методологического. Первый связан с развитием квантовых технологий и их влиянием на дипломатическую деятельность (использование квантовой криптографии, квантовых вычислений, защищённых каналов связи и других технологических решений), которые способны трансформировать инструменты и практики современной дипломатии. Второй аспект отражает более широкие изменения в понимании природы международных отношений и дипломатических процессов. В данном случае квантовая дипломатия рассматривается не как совокупность новых технических средств, а как часть так называемого «квантового поворота» или «квантового разрыва» [15, с.3-4] в международных отношениях, что предполагает пересмотр традиционных представлений о мировой политике и дополнения классической модели объяснения международных процессов (рис. 1).

Рис. 1. Взаимосвязь направлений исследования квантовой дипломатии в международных отношениях

Fig. 1. Interconnections between research directions in quantum diplomacy within international relations

Представленные направления не являются изолированными: развитие квантовых технологий способно ставить перед международными отношениями новые политические и нормативные вопросы, тогда как концептуально-методологическое направление позволяет анализировать возникающие вследствие этого изменения в международном взаимодействии. Вместе с тем настоящее исследование сосредоточено преимущественно на концептуально-методологическом измерении квантовой дипломатии, в связи с чем технические особенности квантовой криптографии, вычислений и иных технологий подробно не рассматриваются.

В целом, как уже было отмечено ранее, технологический и методологический аспекты квантовой дипломатии тесно связаны и взаимно дополняют друг друга. Однако исследование в рамках данной статьи сосредоточено главным образом на теории международных

отношений и дипломатии, в виду этого детальное изучение элементов криптографии, вычислений представляется нецелесообразным.

Определяя место квантовой дипломатии в контексте международных отношений, рационально провести сопоставление с ключевыми подходами. Предварительное сопоставление в целом показывает, что квантовая дипломатия по своей сути не отрицает существующие теории, а переосмысливает отдельные элементы международного взаимодействия.

Рассматривая неореализм К. Уолтца, имеет смысл отметить, что в рамках данного подхода особое внимание уделяется распределению силы, вопросам безопасности, а также структурных ограничениях поведения государств [26]. Квантовая дипломатия учитывает значение этих факторов, но допускает, что государство может одновременно находиться в амплуа союзника, партнёра и конкурента в различных сферах взаимодействия.

В рамках неолиберального институционализма Р. Кеохейн подчеркивает значительную международную взаимозависимость и устойчивые межгосударственные связи [23]. Квантовая дипломатия в целом развивает данную идею через понятие «запутанности», рассматривая поведение актора на основе его устойчивых связей с другими участниками.

Если обратиться к конструктивизму А. Вендта, то одним из его главенствующих положений является влияние норм, идентичностей и взаимных представлений на международную политику [27]. С ним во многом соотносится эффект «наблюдателя» в квантовой дипломатии, согласно которому восприятие государства в качестве угрозы, конкурента или партнера значительно влияет на последующий характер поведения на мировой арене.

Подход Р. Джарвиса к сложным системам позволяет учитывать нелинейность политических процессов, обратные связи и непредвиденные последствия решений [22]. Квантовая дипломатия дополняет её представлением о множественности сценариев, реализация которых зависит от дипломатических решений, публичных заявлений и изменений информационной среды.

Имеет смысл утверждать, что квантовая дипломатия не заменяет существующие теории международных отношений, а дополняет их, объединяя в единой аналитической схеме множественность состояний акторов, их взаимозависимость, влияние интерпретаций и неопределённость возможных сценариев.

Особенности квантового подхода наиболее наглядно проявляются при рассмотрении принципа «дипломатической суперпозиции». В квантовой теории суперпозиция означает возможность одновременного существования нескольких потенциальных состояний системы до момента их фиксации в результате измерения [3, с.11].

В упрощенных аналитических и политико-практических моделях государство нередко определяется преимущественно как союзник, партнер, конкурент либо противник (рис. 2).

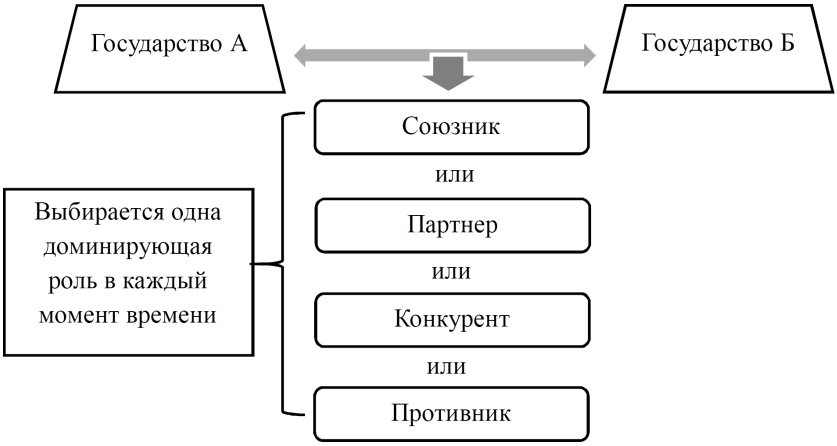

Рис. 2. Упрощенная (классическая) модель международных отношений
Fig. 2. Simplified (classical) model of international relations

Однако современная дипломатическая практика демонстрирует, что один и тот же актор может одновременно занимать несколько различных позиций. Например, два государства способны сотрудничать в сфере торговли, борьбы с изменением климата или обеспечения региональной стабильности и в то же время конкурировать в области безопасности, технологий и политического влияния, а в

отдельных случаях - поддерживать противоборствующие стороны в вооруженных конфликтах на территории третьих государств, фактически участвуя в прокси-войнах (рис. 3).

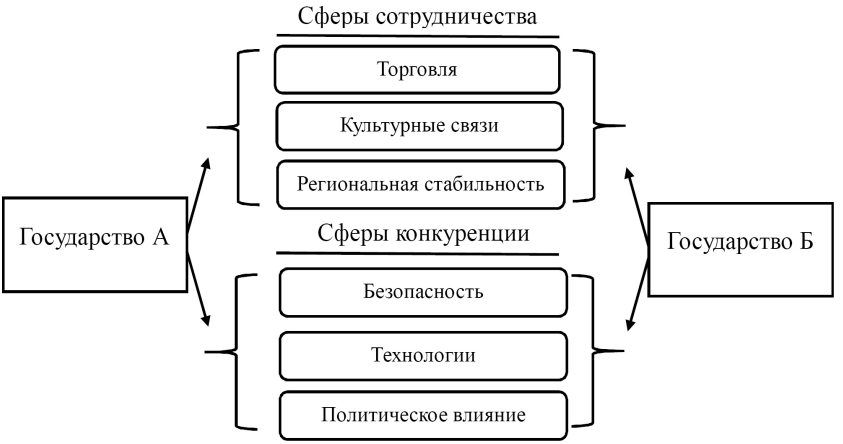

Рис. 3. Дипломатическая суперпозиция в модели международных отношений
Fig. 3. Diplomatic superposition in a model of international relations

Следовательно, дипломатическая «суперпозиция» отражает не отсутствие определенной позиции, а одновременное существование нескольких стратегических состояний, актуализирующихся в зависимости от конкретной сферы взаимодействия. В данном случае более корректно говорить не об общей характеристике отношений между государствами, а о совокупности различных отношений, существующих параллельно. Попытка однозначно закрепить за государством статус «друга» или «врага» может привести к своеобразному «схлопыванию» дипломатической суперпозиции.

Публичная фиксация одной из сторон в качестве безусловного противника способна сузить пространство для дальнейших переговоров, сделать продолжение сотрудничества политически неприемлемым и усилить конфронтационные модели поведения. Поэтому квантовое мышление в своей сущности определяет специфическую особенность сохранения многих потенциально возможных вариантов дипломатического взаимодействия, не

сводя сложные отношения лишь к единственной характеристике «друг-враг».

На практике вышеупомянутый принцип суперпозиции может вполне обоснованно применяться в контексте анализа:

- тех сфер, в которых акторы одновременно сотрудничают и конкурируют;
- расхождений между публичными заявлениями и реальными дипломатическими действиями;
- определенных возможных вариантов действий, которые остаются «открытыми» до момента принятия конкретного политического решения;
- отдельных событий и решений, после которых отношения изучаемых сторон могут значительно видоизмениться либо в сторону конфронтации, либо в сторону сотрудничества.

Для выявления дипломатической суперпозиции необходимо установить наличие в один и тот же период нескольких устойчивых, но различающихся по сферам состояний отношений между акторами. В качестве иллюстративного кейса рассмотрим отношения России и США в 2024–2026 гг.

С одной стороны, между государствами сохранялось острое стратегическое противостояние, наиболее заметное в контексте российско-украинского конфликта. Соединённые Штаты продолжали оказывать военно-политическую поддержку Украине и применять экономические ограничения в отношении российских государственных структур, финансовых организаций и предприятий военно-промышленного комплекса [6, с. 66-67]. В данной сфере Россия и США преимущественно выступали как стратегические противники.

С другой стороны, конфронтация не привела к полному прекращению взаимодействия. В августе 2024 г. при участии России, США и ряда других государств состоялся масштабный обмен заключёнными, в результате которого были освобождены, в частности, П. Уилан, Э. Гершкович и В. Кара-Мурза [2, с. 28]. В 2025 г. переговорные каналы также использовались для освобождения отдель-

ных граждан, включая М. Фогеля и К. Карелину [14]. Эти события показывают, что даже в условиях стратегического противостояния стороны сохраняли возможность достижения ограниченных гуманитарных договорённостей.

Отдельное направление взаимодействия было связано с регулированием рисков российско-украинского конфликта. В марте 2025 г. российская и американская делегации провели технические консультации в Эр-Рияде, по результатам которых стороны заявили о договорённостях относительно безопасности судоходства в Чёрном море и разработки мер по прекращению ударов по объектам энергетической инфраструктуры [5, с. 452]. Контакты на высоком дипломатическом уровне сохранялись и в 2026 г.: 23 июля состоялась встреча государственного секретаря США М. Рубио и министра иностранных дел России С. Лаврова [25].

Наиболее значимым проявлением сохранения прямого политического диалога стала встреча президентов России и США В. Путина и Д. Трампа, состоявшаяся 15 августа 2025 г. на объединённой военной базе Эльмендорф-Ричардсон в Анкоридже. Центральной темой переговоров стало урегулирование украинского конфликта. Несмотря на то, что по итогам встречи не было объявлено о заключении формального соглашения, сам факт проведения российско-американского саммита продемонстрировал возможность прямых контактов на высшем уровне в условиях продолжающегося стратегического противостояния [9, с. 11].

Ограниченное практическое взаимодействие сохранялось и в космической сфере: Россия и США продолжали участвовать в эксплуатации Международной космической станции в рамках многостороннего партнёрства [13].

Таким образом, отношения России и США в 2024–2026 гг. нельзя однозначно свести исключительно к конфронтации либо сотрудничеству. Они одновременно включали стратегическое противостояние и санкционное давление, технические консультации по вопросам безопасности, гуманитарные договорённости, прямой диалог на высшем уровне и ограниченное практическое сотрудничество (рис. 4).

Рис. 4. Дипломатическая суперпозиция в отношениях России и США (2024-2026 г.)
Fig. 4. Diplomatic superposition in Russia-US relations (2024-2026)

В терминах квантовой дипломатии это может быть интерпретировано как дипломатическая суперпозиция нескольких стратегических состояний. В зависимости от конкретной сферы Россия и США выступали как противники, участники переговоров, стороны ограниченных договорённостей либо технические партнёры. При этом ни одно из перечисленных состояний не характеризовало российско-американские отношения в полном объёме: усиление конфронтации не исключало сохранения переговорных каналов, тогда как проведение саммита в Анкоридже не означало прекращения стратегического соперничества. Таким образом, кейс соответствует обозначенному признаку дипломатической суперпозиции: в пределах одного временного периода отношения России и США включали несколько параллельно существующих состояний, каждое из которых проявлялось в конкретной сфере взаимодействия.

Понятие квантовой запутанности может использоваться как метафора взаимосвязанности участников мировой политики. В международных отношениях экономические, технологические, информационные и политические связи формируют устойчивые сети, в которых решения одного актора способны изменять условия деятельности других участников, а их ответные меры - воздействовать на инициатора первоначального решения [17]. В этом смысле дипломатическая «запутанность» отражает взаимозависимость акторов и существование механизмов обратной связи.

Аналитическим признаком дипломатической «запутанности» является наличие устойчивой сети связей, при которой решение одного актора вызывает последствия для других участников и формирует ответные реакции, способные воздействовать на первоначального инициатора. Данный механизм наглядно проявляется в технологическом соперничестве США и Китая в полупроводниковой отрасли.

Ограничения США на поставки Китаю передовых микросхем и оборудования затронули не только китайские предприятия, но и производителей Тайваня, Республики Корея, Японии и Нидерландов [1, с. 106; 8]. Китай, в свою очередь, ввёл экспортный контроль в отношении продукции, связанной с галлием и германием, что также повлияло на международные производственные цепочки [11, с. 59].

В результате политические решения вызвали изменение корпоративных стратегий, поиск альтернативных поставщиков, развитие национального производства и принятие ответных ограничений. Данный процесс показывает, что взаимозависимость может выступать не только основой сотрудничества, но и инструментом давления, что соответствует концепции «вооружённой взаимозависимости» Г. Фаррелла и А. Ньюмана [19].

В терминах квантовой дипломатии американо-китайское технологическое соперничество представляет собой пример дипломатической «запутанности»: изменение положения одного элемента транснациональной сети влияет на состояние остальных участников, включая государства и компании, формально не являющиеся непосредственными сторонами противостояния. То есть, состояние одной

части системы связано с состоянием другой, даже «на расстоянии», действия одного актора изменяют условия для многих других через сеть взаимодействий и обратных связей.

В подобных условиях полная изоляция значимого международного актора становится крайне затруднительной. Ограничение официальных контактов не устраняет экономические, технологические и информационные связи. Поэтому безопасность и устойчивость одного участника не могут рассматриваться независимо от состояния всей системы.

Практический анализ дипломатической «запутанности» предполагает определение:

- каналов взаимного влияния между акторами;
- степени их экономической, технологической и информационной взаимозависимости;
- возможных трансграничных последствий принимаемых решений;
- механизмов обратной связи, усиливающих или ослабляющих первоначальный политический эффект;
- третьих участников, способных существенно повлиять на развитие ситуации.

Следующим важным аспектом квантовой дипломатии является эффект наблюдателя. В квантовой механике процесс наблюдения способен влиять на состояние исследуемой системы. В контексте международных отношений данный феномен можно рассматривать по аналогии с тем, что интерпретация действий политического актора не всегда носит «нейтральный» характер. Это связано с тем, что публичные заявления, оценки и демонстрация определенных намерений одной из сторон способны изменить поведение других участников.

В целом, наиболее наглядным способом данный принцип отображается в дилемме безопасности. К примеру, государство «А» может наращивать свои вооруженные силы объясняя это общей мировой нестабильностью, однако государство «Б» с немалой долей вероятности воспримет такие действия как возможную подготовку к агрессии и предпримет ответные меры. В свою очередь, госу-

дарство «А» может расценить такую реакцию как подтверждение собственных первоначальных опасений. В результате создается своеобразная динамика, имеющая характеристику к самоподдержанию, при которой меры безопасности увеличивают общий уровень напряженности [21, с. 412].

В данной ситуации было бы ошибочно считать, что в роли «наблюдателей» могут выступать исключительно государства и связанные с ними разведывательные структуры. Значительное влияние способны оказывать также СМИ, международные организации, независимые эксперты и экспертные сообщества, а в условиях цифровой среды – и пользователи различных платформ. Их оценки и интерпретации могут воздействовать на восприятие существующих угроз, формировать определённые ожидания относительно дальнейших действий сторон и тем самым повышать вероятность развития именно того сценария, который первоначально рассматривался лишь как возможный. В таком случае можно говорить о возникновении эффекта «самосбывающегося прогноза».

В качестве примера имеет смысл рассмотреть ситуацию, которая возникла вокруг Тайваньского пролива в 2022–2024 гг. После того, как Н. Пелоси совершила визит на Тайвань в августе 2022 г., китайская сторона расценила данное действие в качестве очередного акта эскалации и вмешательства США в тайваньский вопрос. Последовавшие за этим крупные военные учения вокруг Тайваня Китай, в свою очередь, обосновывал важностью защиты собственного суверенитета от внешних посягательств [4, с. 98–99].

США и Тайвань, в свою очередь, оценили модель поведения Китая как провокационную и чрезмерную. Внезапное усиление демонстрации военной силы стало восприниматься ими как дополнительное основание наращивания военного потенциала на острове. Май и октябрь 2024 г. были характерны тем, что Китай провёл учения Joint Sword-2024A и Joint Sword-2024B, которые были охарактеризованы американской и тайваньской сторонами как серьезный вызов для региональной стабильности и инструмент военного давления [7, с. 349].

Имеет смысл утверждать, что в данном случае сформировалась самоподдерживающаяся неразрывная цепь взаимных множественных интерпретаций. Тесное взаимодействие США с Тайванем рассматривалось Пекином в качестве угрозы, связанной с посягательствами территориального и внутреннего характера, в то время как китайские учения воспринимались США и Тайванем уже в качестве сигнала, указывающего на необходимость усиления обороны и политической поддержки острова. Данные меры далее послужили для Китая очередным подтверждением американского вмешательства [7, с. 350].

С позиции квантовой дипломатии ситуация вокруг Тайваньского пролива демонстрирует действие эффекта наблюдателя: стороны реагировали не только на действия друг друга, но и на их интерпретацию через уже сформированные представления и ожидания. Решения, принятые на основе таких оценок, становились частью дальнейшего развития ситуации и способствовали росту напряжённости (рис. 5).

Рис. 5. Эффект «наблюдателя» в квантовой дипломатии
Fig. 5. The “observer” effect in quantum diplomacy

Ещё одной особенностью квантового подхода объективно можно считать признание высокой степени неопределённости международной среды. Здесь важно заметить, что проблема заключается не только в недостатке информации, которая со временем может быть восполнена. Даже при наличии внушительного объёма данных достаточно сложно заранее предугадать, к какому результату приведёт взаимодействие множества акторов, каждый из которых имеет собственные интересы, по-своему оценивает происходящее и выстраивает свою стратегию поведения [10, с. 353–354].

Отбор кейсов носит целенаправленный иллюстративный характер и обусловлен задачей продемонстрировать возможности применения отдельных категорий предлагаемой модели. Основными критериями отбора выступали: наличие наблюдаемых проявлений соответствующего аналитического принципа; участие значимых государственных и негосударственных акторов; возможность проследить последовательность политических действий и ответных реакций; наличие достаточного объёма открытых источников, позволяющих реконструировать развитие ситуации. Кейсы не рассматриваются как репрезентативная выборка и не используются для эмпирического подтверждения универсальности предложенной модели.

Подводя итоги, следует отметить, что нелинейный характер международных процессов не позволяет ожидать одинакового результата от одних и тех же дипломатических действий в разных политических условиях. Поэтому квантовая дипломатия предполагает не стремление к единственно верному и точному прогнозу, а возможность рассмотрения нескольких возможных сценариев и тех факторов, которые способны изменить дальнейшее развитие ситуации.

Основным результатом настоящего концептуально-теоретического исследования является пятиэтапная модель анализа международного взаимодействия, основанная на последовательном применении ключевых принципов квантовой дипломатии:

- необходимо определить основных участников взаимодействия, а также характер существующих между ними связей;

- далее следует установить, в каких сферах между сторонами одновременно присутствуют сотрудничество и конкуренция. Это является немаловажным фактором, так как позволяет выявить состояние дипломатической суперпозиции и не сводить отношения исключительно к примитивной модели «союзник - противник»;

- следующий этап предполагает рассмотрение экономических, технологических, информационных, военных и иных связей между участниками. Именно они позволяют оценить степень их дипломатической «запутанности»;

- в последующем шаге внимание переносится на эффект «наблюдателя»: тут важно анализировать то, каким образом официальные заявления, экспертные оценки, сообщения СМИ и активность на цифровых платформах влияют на восприятие действий и намерений сторон;

- на завершающем этапе рассматриваются несколько возможных вариантов дальнейшего развития событий и определяются факторы, которые могут сместить взаимодействие в сторону сотрудничества, конкуренции, дальнейшей эскалации или открытого конфликта.

Предложенные этапы выполняют функцию операционализации основных категорий квантовой дипломатии, связывая их с наблюдаемыми характеристиками международного взаимодействия. При этом рассмотренные в статье международно-политические ситуации используются как иллюстративные кейсы, демонстрирующие возможности применения отдельных элементов модели, а не как эмпирическая проверка её универсальности.

Важно учитывать и ограничения предлагаемого подхода. Используемые категории суперпозиции, запутанности, эффекта наблюдателя и неопределённости не предполагают переноса физических закономерностей или математического аппарата квантовой механики в международные отношения. В рамках настоящего исследования они выступают концептуальными и эвристическими конструкциями, позволяющими структурировать отдельные характеристики международного взаимодействия. Поэтому физическая аналогия сама по себе не может рассматриваться как основание политического объяснения и должна соотноситься с конкретными наблюдаемыми процессами.

Таким образом, добавочная аналитическая ценность квантовой дипломатии заключается не в замене существующих теорий международных отношений, а в возможности объединить в рамках единой последовательной модели анализ множественности состояний отношений между акторами, их взаимозависимости, влияния интерпретаций и неопределённости дальнейшего развития ситуации. Предложенная модель представляет собой концептуально-методологический инструмент, дальнейшая разработка которого предполагает уточнение критериев операционализации и его апробацию на более широком круге международно-политических ситуаций.

Список литературы

1. Арапова, Е. Я. (2022). Торговая война США и Китая: экономические и правовые эффекты. *Сравнительная политика*, *13*(1–2), 98–115. https://doi.org/10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-98-115. EDN: https://elibrary.ru/YPCRTJ
2. Белинский, А. В. (2025). «Вроде все как всегда»? Холодная война и геополитический кризис 2022 г.: сравнительный анализ. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*, (77), 27–37. EDN: https://elibrary.ru/JSNVXR
3. Гушанский, С. М., & Потапов, В. С. (2025). *Квантовые нейронные сети: учебное пособие*. Издательство Южного федерального университета. 116 с. Получено с https://www.iprbookshop.ru/157816.html (дата обращения: 29.07.2026)
4. Кулинцев, Ю. В. (2023). Четвёртый кризис безопасности в Тайваньском проливе: ответ КНР на визит Н. Пелоси. *США & Канада: экономика, политика, культура*, (7), 94–106. https://doi.org/10.31857/S2686673023070088. EDN: https://elibrary.ru/GLWARK
5. Леванова, К. А. (2025). Черноморская инициатива как фактор безопасного судоходства в Черном море: проблемы реализации. В *Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 22–24 мая 2025 года* (с. 448–453). Кубанский государственный университет. EDN: https://elibrary.ru/WETVIB
6. Морозов, Ю. В. (2025). Российско-американские отношения под влиянием политики Д. Трампа: проблемы и перспективы. *Власть*, *33*(5), 61–72. https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-5-61-72. EDN: https://elibrary.ru/GHFNYH
7. Поплавская, В. О., & Носов, А. В. (2026). Конфликт без войны: стратегия «серой зоны» КНР вокруг Тайваня как форма управляемой эскалации современного международного конфликта. *Конфликтология / Nota Bene*, (2), 343–362. https://doi.org/10.7256/2454-0617.2026.2.80350. EDN: https://elibrary.ru/YVOLOC

8. Рамич, М. С., & Солодовникова, Т. А. (2025). От «фабрики мира» к технологическому авангарду: инновационная экосистема КНР в условиях глобальной конкуренции. *Мировое и национальное хозяйство*, (3), 1–34. https://doi.org/10.24833/MiNH-2025-3-1. EDN: https://elibrary.ru/ZMNJDZ
9. Рябков, С. А. (2025). Россия и США: поиски пути вперед продолжаются. *Международная жизнь*, (12), 4–11. EDN: https://elibrary.ru/NJFLRE
10. Чепурной, В. А. (2023). «Иллюзия контроля»: феномен квантовой дипломатии в современной реальности. В Т. А. Сенюшкина (общ. ред.), *Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права: сборник научных трудов XL Международного Харакского форума, Ялта, 5–7 ноября 2022 года* (с. 349–356). Издательство «Ариал». EDN: https://elibrary.ru/SUTFCB
11. Чимирис, Е. С. (2025). *Глобальная конкуренция в области микроэлектроники, политические и экономические стратегии развития ведущих стран отрасли* (Доклады Института Европы, № 421). Институт Европы РАН. https://doi.org/10.15211/report42025_421. ISBN: 978-5-98163-234-1. EDN: https://elibrary.ru/PEUIEF
12. Amaresh, P. (2026, July 4). *Quantum diplomacy: A new era beyond traditional boundaries*. Nepal Institute for International Cooperation and Engagement. Получено с https://niice.org.np/archives/12614 (дата обращения: 27.07.2026)
13. Ben-Itzhak, S. (2025). Network analysis of international cooperation in space, 1958–2023: Evidence of space blocs. *Journal of Peace Research*, *62*(3), 517–534. https://doi.org/10.1177/00223433231225162. EDN: https://elibrary.ru/OVOLUA
14. Bruce, T. (2025, April 10). *Department press briefing – April 10, 2025*. U.S. Department of State. Получено с https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-april-10-2025 (дата обращения: 29.07.2026)
15. Choong, P. S., Mohd Shah, N., & Yap, Y. S. (2026). Quantum diplomacy within the Southeast Asia quantum ecosystem. *Digital Society*, *5*, 38. https://doi.org/10.1007/s44206-026-00273-3
16. Der Derian, J. (2011). Quantum diplomacy, German-US relations and the psychogeography of Berlin. *The Hague Journal of Diplomacy*, *6*(3–4), 373–392. https://doi.org/10.1163/187119111X598152
17. Der Derian, J., & Wendt, A. (2020). "Quantizing international relations": The case for quantum approaches to international theory and security practice. *Security Dialogue*, *51*(5), 399–413. https://doi.org/10.1177/0967010620901905. EDN: https://elibrary.ru/WOUGOR
18. Erskine, T., Guzzini, S., & Welch, D. A. (2022). Alexander Wendt, Quantum mind and social science: Unifying physical and social ontology. *International Theory*, *14*(1), 115–116. https://doi.org/10.1017/S1752971921000038. EDN: https://elibrary.ru/YYQZLU

19. Farrell, H., & Newman, A. L. (2019). Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion. *International Security*, *44*(1), 42–79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
20. Ferrazzini, A. (2025). *Quantum, diplomacy, and geopolitics* [Preprint]. arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2512.06052
21. Herz, J. H. (2003). The security dilemma in international relations: Background and present problems. *International Relations*, *17*(4), 411–416. https://doi.org/10.1177/0047117803174001. EDN: https://elibrary.ru/JMRDKD
22. Jervis, R. (1997). *System effects: Complexity in political and social life*. Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400822409
23. Keohane, R. O. (2005). *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy* (Rev. ed.). Princeton University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctt7sq9s (Original work published 1984)
24. Project Q: Peace and security in a quantum age. University of Sydney. Получено с https://projectqsydney.com/ (дата обращения: 27.07.2026)
25. U.S. Department of State. (2026, July 23). *Secretary Rubio's meeting with Russian Foreign Minister Lavrov*. Получено с https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/07/secretary-rubios-meeting-with-russian-foreign-minister-lavrov-2 (дата обращения: 02.08.2026)
26. Waltz, K. N. (1979). *Theory of international politics*. Addison-Wesley Publishing Company.
27. Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, *46*(2), 391–425. https://doi.org/10.1017/S0020818300027764. EDN: https://elibrary.ru/BKXQGN

References

1. Arapova, E. Ya. (2022). The US–China trade war: Economic and legal effects. *Comparative Politics*, *13*(1–2), 98–115. https://doi.org/10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-98-115. EDN: https://elibrary.ru/YPCRTJ
2. Belinsky, A. V. (2025). "Seemingly business as usual"? The Cold War and the geopolitical crisis of 2022: A comparative analysis. *European Security: Events, Assessments, Forecasts*, (77), 27–37. EDN: https://elibrary.ru/JSNVXR
3. Gushansky, S. M., & Potapov, V. S. (2025). *Quantum neural networks: A textbook*. Southern Federal University Press. 116 p. Retrieved from https://www.iprbookshop.ru/157816.html (accessed: July 29, 2026)
4. Kulintsev, Yu. V. (2023). The fourth Taiwan Strait security crisis: The PRC's response to N. Pelosi's visit. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, (7), 94–106. https://doi.org/10.31857/S2686673023070088. EDN: https://elibrary.ru/GLWARK
5. Levanova, K. A. (2025). The Black Sea Initiative as a factor of safe navigation in the Black Sea: Implementation challenges. In *The Black Sea–Mediterranean Re-*

gion in Russia's National Security System: On the 80th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: Proceedings of the International Research and Practice Conference, Krasnodar, May 22–24, 2025 (pp. 448–453). Kuban State University. EDN: https://elibrary.ru/WETVIB

6. Morozov, Yu. V. (2025). Russian–American relations under the influence of D. Trump's policy: Problems and prospects. *The Authority*, *33*(5), 61–72. https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-5-61-72. EDN: https://elibrary.ru/GHFNYH
7. Poplavskaya, V. O., & Nosov, A. V. (2026). Conflict without war: The PRC's "gray zone" strategy around Taiwan as a form of controlled escalation of a modern international conflict. *Conflict Studies / Nota Bene*, (2), 343–362. https://doi.org/10.7256/2454-0617.2026.2.80350. EDN: https://elibrary.ru/YVOLOC
8. Ramich, M. S., & Solodovnikova, T. A. (2025). From the "workshop of the world" to the technological vanguard: China's innovation ecosystem under global competition. *The World and National Economy*, (3), 1–34. https://doi.org/10.24833/MiNH-2025-3-1. EDN: https://elibrary.ru/ZMNJDZ
9. Ryabkov, S. A. (2025). Russia and the United States: The search for a way forward continues. *International Life*, (12), 4–11. EDN: https://elibrary.ru/NJFLRE
10. Chepurnoy, V. A. (2023). "The illusion of control": The phenomenon of quantum diplomacy in contemporary reality. In T. A. Senyushkina (Ed.), *Political space and social time: The rule of force vs the force of law: Proceedings of the 40th Kharak International Forum, Yalta, November 5–7, 2022* (pp. 349–356). Arial Publishing House. EDN: https://elibrary.ru/SUTFCB
11. Chimiris, E. S. (2025). *Global competition in microelectronics: Political and economic development strategies of the industry's leading countries* (Reports of the Institute of Europe, No. 421). Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. https://doi.org/10.15211/report42025_421. ISBN: 978-5-98163-234-1. EDN: https://elibrary.ru/PEUIEF
12. Amaresh, P. (2026, July 4). *Quantum diplomacy: A new era beyond traditional boundaries*. Nepal Institute for International Cooperation and Engagement. Retrieved from https://niice.org.np/archives/12614 (accessed: July 27, 2026)
13. Ben-Itzhak, S. (2025). Network analysis of international cooperation in space, 1958–2023: Evidence of space blocs. *Journal of Peace Research*, *62*(3), 517–534. https://doi.org/10.1177/00223433231225162. EDN: https://elibrary.ru/OVOLUA
14. Bruce, T. (2025, April 10). *Department press briefing – April 10, 2025*. U.S. Department of State. Retrieved from https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-april-10-2025 (accessed: July 29, 2026)
15. Choong, P. S., Mohd Shah, N., & Yap, Y. S. (2026). Quantum diplomacy within the Southeast Asia quantum ecosystem. *Digital Society*, *5*, 38. https://doi.org/10.1007/s44206-026-00273-3

16. Der Derian, J. (2011). Quantum diplomacy, German-US relations and the psychogeography of Berlin. *The Hague Journal of Diplomacy*, *6*(3–4), 373–392. https://doi.org/10.1163/187119111X598152
17. Der Derian, J., & Wendt, A. (2020). "Quantizing international relations": The case for quantum approaches to international theory and security practice. *Security Dialogue*, *51*(5), 399–413. https://doi.org/10.1177/0967010620901905. EDN: https://elibrary.ru/WOUGOR
18. Erskine, T., Guzzini, S., & Welch, D. A. (2022). Alexander Wendt, Quantum mind and social science: Unifying physical and social ontology. *International Theory*, *14*(1), 115–116. https://doi.org/10.1017/S1752971921000038. EDN: https://elibrary.ru/YYQZLU
19. Farrell, H., & Newman, A. L. (2019). Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion. *International Security*, *44*(1), 42–79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
20. Ferrazzini, A. (2025). *Quantum, diplomacy, and geopolitics* [Preprint]. arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2512.06052
21. Herz, J. H. (2003). The security dilemma in international relations: Background and present problems. *International Relations*, *17*(4), 411–416. https://doi.org/10.1177/0047117803174001. EDN: https://elibrary.ru/JMRDKD
22. Jervis, R. (1997). *System effects: Complexity in political and social life*. Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400822409
23. Keohane, R. O. (2005). *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy* (Rev. ed.). Princeton University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctt7sq9s (Original work published 1984)
24. Project Q: Peace and security in a quantum age. University of Sydney. Retrieved from https://projectqsydney.com/ (accessed: July 27, 2026)
25. U.S. Department of State. (2026, July 23). *Secretary Rubio's meeting with Russian Foreign Minister Lavrov*. Retrieved from https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/07/secretary-rubios-meeting-with-russian-foreign-minister-lavrov-2 (accessed: August 2, 2026)
26. Waltz, K. N. (1979). *Theory of international politics*. Addison-Wesley Publishing Company.
27. Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, *46*(2), 391–425. https://doi.org/10.1017/S0020818300027764. EDN: https://elibrary.ru/BKXQGN

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чепурной Владислав Анатольевич, преподаватель кафедры «Управление персоналом и бизнес-информатика», аспирант кафедры политических наук и международных отношений Института «Таврическая академия»

АНО «ООВО» «Университет экономики и управления»
ул. имени газеты «Крымская Правда», 4, г. Симферополь, Республика Крым, 295021, Российская Федерация
chipth@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vladislav A. Chepurnoy, Lecturer at the Department of Human Resource Management and Business Informatics; Postgraduate Student at the Department of Political Science and International Relations, Institute of Taurida Academy
University of Economics and Management
4, Krymskaya Pravda Str., Simferopol, Republic of Crimea, 295021, Russian Federation
chipth@yandex.ru
SPIN-code: 4901-5067

Поступила 10.08.2026
После рецензирования 11.09.2026
Принята 15.09.2026

Received 10.08.2026
Revised 11.09.2026
Accepted 15.09.2026